

Лица Русал

Не всё
отражается в воде.

Некоторые вещи
смотрят в ответ.

Мулб

· вода ·

18+

Ли́ка Русал Муль

<https://litres.ru/74054341>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вода — граница миров. Сора узнаёт это в ту ночь, когда её собственное отражение в кафе улыбается первым.

Она не героиня. Она — студентка издательского факультета, которую никто не замечает. У неё нет парня, нет денег, нет даже нормальных отношений с матерью. Единственная подруга давно привыкла, что Сора — всего лишь тень.

Но тени иногда становятся длиннее.

Чёрный камень, найденный в странном книжном магазине, приводит Сору к демону. Ен — древнее существо, заточённый тысячу лет в тёмных гранях. Он устал. Он хочет свободы. И хочет стать человеком.

А для этого ему нужна она.

Охотники на демонов идут по следу. Прошлое кумихо по имени Исин вплетается в настоящее. А красная нить на мизинце Сору тянется туда, где ей предстоит сделать выбор.

Жертвовать собой. Или жертвовать им. Или найти третий путь — тот, которого не существует.

Содержание

Глава 1	4
Глоссарий:	17
Глава 2	18
Глоссарий:	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ли́ка Русал

Муль

Глава 1

Меня зовут Ха Сора. Мне двадцать один год, и я единственный человек в этом колледже, кто красил волосы в белый не ради «вайба», а потому что в тот день мне просто захотелось сделать больно своей матери.

Это сработало. Зато теперь я выгляжу как персонаж манхвы, у которого впереди ровно три варианта: стать злодейкой, умереть в первой арке или обрести тайную силу. Пока что я только мою голову фиолетовым шампунем, чтобы не желтели, и собираю на себе взгляды, в которых читается одно: «Кто она такая, чтобы так выделяться?»

Никто. Я никто. И это, если честно, меня устраивает.

Сегодня, как и в любой другой день за последние полтора года, я сижу на третьей парте у окна в аудитории 4212. Слева от меня — бетонная колонна, за которой профессор меня не видит, если специально не вытянет шею. Справа — пустое место.

Парень, который сидел там весь первый семестр, перевелся на вечерку после того, как понял, что издательское дело — это не «читать книги и получать за это зачёты». Мы пе-

рекинулись ровно тремя фразами за полгода. После его ухода никто не попросился ко мне. Кафедра даже не пыталась подселить человека. Я для них — мебель. Хорошо стоящая и не жалующаяся.

В кармане пальто вибрирует телефон. КакаоТолк. Джиён скинула мем: профессор Пак, сфотографированный через щель в жалюзи, с подписью «Когда ты прочитал три страницы, а ему кажется, что прошла вечность». Я выдавливаю смеющийся смайлик и убираю экран.

Джиён не нужно знать, что я не смеялась. Я просто нажала на кнопку.

Телефон вибрирует снова. Она уже ответила: «Ты слишком серьёзная, Сора».

Возможно. Но кто будет платить за мою комнату в старом вилле на четвёртом этаже без лифта, если я потрачу всё время на мемы?

— Сора, ты идёшь на ланч? — голос Джиён разрывает тишину между лекциями.

Она наклоняется через проход. Её волосы пахнут дорогим кондиционером — тем самым, который я видела в рекламе, но никогда не куплю, потому что одна бутылка стоит как две недели покупок продуктов. На Джиён сегодня бежевый кардиган, который подчёркивает талию, и лёгкий макияж «никакого макияжа». Но я знаю, что он занял у неё сорок минут.

Мы дружим со школы. Я до сих пор не понимаю, почему она выбрала меня. У неё есть всё: популярность, парни, ко-

торые пишут ей в три ночи, приглашения на все нораэбаны в Хондэ, сторис, которые собирают по три сотни просмотров за час. А я — её молчаливая тень. Может, именно поэтому Джиён выбрала меня. Тени не затмевают солнце.

— Да, — говорю я. — Только быстро. У меня смена в три.

— Опять «Мисо»? — она морщит идеальный нос. — Со-ра, там платят как в две тысячи двадцатом.

— Зато мне делают скидку на рамен. И тётушка Ким даёт добавку, когда никто не видит.

Джиён вздыхает так, словно это она тащит подносы с посудой по вечерам. Но я не обижаюсь. Она просто не понимает. Когда твоя мать перестала брать трубку после того, как ты отказалась жить по её правилам, а отец сказал «ты оказалась нашим разочарованием», тридцать процентов скидки становятся не просто экономией. Они становятся доказательством. Того, что я справлюсь со всем сама.

Лекция по современной корейской литературе течёт как переваренный рис — медленно, тяжело, без надежды на вкус. Профессор Пак обожает свой голос. Сейчас он читает отрывок из «Тхэкбэки» — того самого романа, который студенты ненавидят уже третье поколение, потому что в нём ничего не происходит, а автор использует слова, которых нет в словаре.

Профессор делает паузу после каждой фразы, будто ждёт оваций. Я смотрю в окно. За стеклом простирается университетский двор, заваленный лепестками сакуры. Их сметают

в кучи, но ветер снова разносит. Бесплезная работа. Я понимаю этих дворников и почему они вечно ходят с кислыми минами, но не возмущаются.

Я тоже весь день делаю вид, что меня здесь нет, а потом иду домой и пишу. Рассказы. Короткие. Странные. О девочках, которые становятся всем из никого. О далёких, волшебных краях, которые манят не всегда приветливыми существами. Пишу и никому не показываю. Читаю, перечитываю, удаляю. Потому что если их кто-то увидит — они станут настоящими. А настоящие вещи всегда ломаются.

— Ты снова ни с кем не заговорила, — говорит Джиён, когда мы выходим во двор.

— Я говорила. С тобой.

— Это не считается.

— Почему?

— Потому что я твоя страховка. Если бы не я, ты бы превратилась в ту девушку, которая ест одна в туалете.

— Я ем одна в лапшичной. Это удобно.

Джиён красиво закатывает глаза. Ей даже это идёт.

— А знаешь, Сора, Чжунхо спрашивал про тебя.

Я даже не замедляю шаг.

— Чжунхо спрашивает про всех, у кого есть грудь и пульс.

Джиён звонко смеётся. Люди оборачиваются. Но меня рядом с ней словно не замечают.

Мы идём через главные ворота, сворачиваем в переулок между старыми жилыми домами. Здесь пахнет выхлопными

газами, жареным луком и пряным кимчи, от чего в животе начинает урчать. Улочка называется Очжангиль, но все зовут её «раменный ряд». Потому что на сто метров стоят три лапшичных, две закусочных и один магазинчик, где продают только яйца вкрутую и банки с кофе.

Продолжая выслушивать недовольство подруги по поводу моего «затворничества», я захожу к тётушке Ким.

Ей под шестьдесят, но она двигается так, будто ей сорок. Руки в перманентных мозолях, фартук в пятнах соевого соуса, голос как у сержанта в армии, если сержант вдруг решил стать твоей бабушкой.

— А, Сора пришла! — орёт она из кухни, даже не оборачиваясь. Дверной колокольчик ещё не затих. — Опять будешь свой американо со льдом? Зимой? Ты с ума сошла, девочка.

— Тетушка, сейчас апрель.

— В апреле тоже холодно! Тебе нужен горячий чай. И мясо. Посмотри на себя — ветка, а не человек. Парням нравятся девушки с формами.

— Я не ищу парня, тётушка.

— Вот поэтому ты его и не находишь!

— А она права, — Джиён давится смехом в кулак.

Отмахнувшись, я заказываю тонкацу рамен и ледяной американо. Тетушка Ким вздыхает так тяжело, будто я попросила у неё что-то сверхъестественное. Но через пять минут передо мной стоит огромная миска с бульоном, в кото-

ром плавают куски свинины, половинка яйца, нори и зелёный лук горой. Она добавила двойную порцию. Как всегда.

— Ешь, — командует тётушка и уходит к следующему столику.

Джиён рассказывает про вчерашний нораэбан. Как Чонхосонбэ — тот самый, с факультета бизнеса — заказал слезливую песню о любви и спел её прямо в микрофон, глядя на Хёджу. Как Хёджу покраснела, но виду не подала. Как кто-то из старших разбил бутылку соджу, и администратор чуть не вызвал полицию. И как в три утра они ели жареную курицу у выхода из станции.

Я киваю. Слышу каждое слово, но мозг перерабатывает их в белый шум. Я думаю о том, что через два часа надену чёрный передник, возьму тряпку и буду вытирать столы, на которых остались следы от чашек. О том, что надеюсь на хорошее настроение начальника. О том, что вечером обещали дождь, а значит, после девяти в кафе никого не будет, и я смогу полчаса просто сидеть в тишине. Моё любимое время суток

— Сора, — Джиён щёлкает пальцами перед моим лицом.

— Ты где?

— Мм? Слушаю.

— Ты снова ушла в себя. Я говорю, Хёджу зовёт нас в пятницу в караоке. Ты идёшь?

— Я работаю в пятницу.

— Ты всегда работаешь.

— Потому что аренда не ждёт, пока у меня будут выходные.

Джиён замолкает. Она знает про мою комнату. Знает, что я не прошу денег у родителей. Но она не знает почему И я не расскажу. Не потому что стыдно. Просто когда ты платишь сама, у тебя появляется право. Право не отвечать на звонки. Право красить волосы в любой цвет. И право жить так, как хочешь, даже если никто этого не понимает.

Я допиваю американо. Лёд уже растаял, и на дне плещется мутноватая вода. Джиён смотрит в телефон — ей пришло ещё пять сообщений, пока я жевала рамен.

— Ладно, — говорю я, вставая. — Мне пора.

— Удачи, — она уже печатает ответ, даже не поднимая головы.

Я оставляю на столе свою часть денег, плюс чаевые, хотя тётушка Ким всегда говорит, что не надо.

Дверной колокольчик звенит. Снаружи меня ждёт солнце, ветер и лепестки сакуры, которые липнут к волосам. Я вытаскиваю один — белый на белом. Почти и не видно И иду дальше, надеясь на удачный вечер.

«Мисо» находится на первом этаже старого жилого дома. Фасад когда-то был бежевым, но годы и выхлопные газы сделали его серым, как снег после метели. Вывеска горит через раз: если включить подсветку, начинает мерцать левая буква, и название превращается в «исо». Начальник говорит, что

это придаёт заведению шарм. Но я всегда подмечаю, что это пожароопасно.

Он платит мне девять тысяч вон в час. Это ниже минималки, но зато разрешает брать еду со скидкой и никогда не спрашивает, почему я такая молчаливая. В Сеуле это дорогого стоит.

Сегодня четверг, а значит, после шести потянутся офисные работники, которым нужно залить в себя кофеин перед дорогой домой. Я расставляю стулья, протираю стойку, проверяю, есть ли лёд в морозилке. И его нет Конечно. Минхо — тот, кто работал до меня, — вечно забывает про такие «мелочи».

— Сорая, — начальник О высовывается из подсобки. Он сегодня в клетчатой рубашке, которая была модной лет так десять назад. — Заказы после восьми принимаешь ты. Я уйду пораньше, у жены день рождения.

— Да, директор.

— И посмотри, не сломалась ли кофеварка. Она вчера странно гудела.

— Хорошо, директор О.

Кофеварка гудит всегда. Это её естественное состояние. Но начальник в подобное верить отказывается. А я не люблю спорить.

Он уходит. А смена течёт своим чередом. Американо, латте, два карамельных макиато, один зелёный чай, который заказали и не пришли забирать. Я выливаю его в раковину и

чувствую себя убийцей.

В семь сорок приходит тётенька с собачкой в сумке. Собачка лает на меня, я делаю вид, что не замечаю. В восемь пятьдесят появляется последний посетитель — студент с ноутбуком, который пьёт уже третью кружку и явно ждёт, когда мы закроемся, чтобы уйти без чувства вины.

В девять я наконец включаю табличку «Закррито».

Долгожданная тишина окутывает помещение. Подобной не слышно днём: её заглушают голоса, звонки кофеварки и радио, играющее старые песни. Я снимаю передник, вешаю его на крючок. На улице уже темно. И, согласно прогнозу, начался дождь.

Внезапный, весенний ливень. Такой, от которого в Сеуле парализует движение, а люди прячутся под козырьками магазинов и проклинаят метеорологов. Капли барабанят по карнизу, по стеклу, по жестяной вывеске «исо». Звук такой, будто кто-то рассыпал горох на жестяной поднос.

До автобуса ещё двадцать минут. А потому я не спешу. Вместо этого завариваю себе мятный чай — единственный, который остался в шкафчике, — и сажусь за столик у окна. В кафе темно. Только слабый свет над раковиной и свет с улицы: фонари, фары проезжающих машин, неон вывески через дорогу.

Горячий чай почти обжигает, но мне нравится это чувство.

Оконное стекло покрыто каплями. Они бегут вниз, остав-

ляя за собой мокрые дорожки. Фонари расплываются в жёлтые пятна. А моё бледное отражение напоминает фотографию, которую передержали в проявителе. Растрёпанные волосы, тёмные круги под глазами, шея слишком тонкая, как у подростка, который забывает обедать

Смотрю на себя. И вдруг понимаю: что-то не так.

Сначала я не могу уловить, что именно. Лицо моё — знакомое, даже надоевшее. Те же скулы, тот же изгиб губ. Я наклоняю голову — и отражение повторяет движение, как и положено. Но нет. Что-то не так. Прямо по моей щеке в отражении стекает крупная капля. Я не шевелюсь — капля течёт дальше.

А потом я открываю рот. Но отражение остаётся неизменным. Это длится долю секунды. Может, две. Но я вижу. Вижу, как его губы остаются сомкнутыми, пока мои уже разжались, чтобы сказать «что за». Вместо этого теперь оно улыбается. Не так, как это делаю я — криво, через силу, когда Джиён шутит слишком громко. Нет. Улыбка отражения спокойная и медленная. Так, будто отражение знает меня лучше, чем я сама.

Уголки губ поднимаются на миллиметр, а глаза в отражении становятся чуть темнее. Или это игра теней?

Пальцы, сжимавшие кружку, белеют. Чай проливается на руку. Мне должно быть горячо, но я ничего не чувствую, потому что смотрю, как отражение поднимает руку. Моя реальная рука лежит на столе. Я вижу её. Я чувствую вес кружки.

Но в стекле мои пальцы касаются лица: сначала щеки, потом скулы и, наконец, губы.

Я отшатываюсь. Стул падает. Резкий звук разрезает тишину, нарушает уют кафе. Кружка летит следом, и горячая вода заливает пол, смешиваясь с грязью с подошв. Пар поднимается к потолку, и на секунду мне кажется, что кафе горит.

Моё отражение меняется. Теперь я вновь смотрю на испуганную девушку с растрёпанными волосами и расширенными глазами. От шока я не дышу целую минуту. Сердце колотится где-то в горле, а оттого подступает тошнота.

— Ты просто устала, Сора, — говорю я вслух. Становится неудобно, хочется заполнить тишину хотя бы этим глухим, но рациональным оправданием.

Дрожащими руками стягиваю с ближайшего стула позабытую тряпку и пытаюсь протереть пол. Получается далеко не сразу. Чай, который только недавно обжигал, теперь кажется ледяным.

В окно я больше не смотрю — ни когда убираюсь, ни даже когда накидываю пальто и, выключив свет, выхожу на улицу.

Дождь уже не льёт, осталась лишь морось. Мелочь, которая забивается под воротник и стекает по позвоночнику. Я поднимаю голову, вдыхаю свежий воздух, и на меня падает жёлтый свет фонаря. Кажется, что вокруг летают миллионы иголок.

Направляясь к остановке, пытаюсь лавировать между луж, я смотрю под ноги, потому что так безопаснее. И чувствую

себя невероятно глупой, потому что кажется: если я буду смотреть вперёд, то увижу что-то в стёклах машин, в витринах закрытых магазинов или в чёрных окнах автобуса, который ещё не пришёл. А в лужах только небо, фонари и моё лицо — снизу вверх.

Я останавливаюсь. Смотрю вниз. Серая вода отражает белые пряди вокруг моего лица. Всё нормально. Я шагаю дальше, но Перед тем как подошва касается воды, мне кажется — просто кажется, я же устала, — что отражение в луже моргает на секунду позже, чем я.

Сжав губы, поспешно перешагиваю. Вода расходится кругами, и лицо исчезает.

Автобус приходит через три минуты. Я нахожу место у окна, в глубине салона, где никого нет. Стекло быстро запотело от дыхания. Я рисую пальцем линию, чтобы чем-то занять всё ещё подрагивающие руки.

Автобус трогается. Сеул плывёт за окном: огни, вывески на корейском и английском, люди под разноцветными зонтами. Женщина на остановке ругается по телефону. Парень в капюшоне бежит через дорогу, и вода разлетается изпод его кроссовок. Обычный вечер. Обычный город.

Закрыв глаза, я прислоняюсь лбом к холодному стеклу. Не совсем удобно, ведь через него вибрация от колёс передаётся прямо в череп. Но отчего-то это успокаивает.

Я не знаю, что я видела сегодня. Может, ничего. Может, галлюцинацию от недосыпа. Или просто блики на мокром

стекле. Но когда я открываю глаза и смотрю в своё отражение в автобусном окне, по спине пробегают мурашки. Кажется, что оно ждёт. Смотрит и не моргает.

Беззвучно выругавшись, я отворачиваюсь и до самой своей остановки больше не поднимаю глаз.

Глоссарий:

Муль — вода.

Норэбан — это популярный в Южной Корее формат караоке.

Хондэ — это популярный и оживленный молодежный район в Сеуле, получивший свое название в честь близлежащего университета Хоник.

«Тхэбэки» («Знамя Тхэбэка») — роман корейского писателя Чхве Инхо, опубликованный в 1970-х годах.

Тонкоцу рамен — это знаменитый японский суп с лапшой, который отличается густым, наваристым и кремовым бульоном молочно-белого цвета.

Соджу — это традиционный корейский крепкий алкогольный напиток, который часто называют «корейской водкой».

Сонбэ — это вежливое корейское обращение к человеку, который имеет больше опыта в определенной сфере или старше вас по статусу.

«-я» к имени в корейском языке — это маркер обращения к младшему по возрасту или очень близкому человеку.

Глава 2

Утро в моей комнатушке всегда пахнет одним и тем же: старым деревом, дешёвым стиральным порошком и вчерашним раменом, который я забыла выбросить. Холодильник гудит, будто больной кот, а с улицы доносится сигнал машины — кто-то никак не может выехать из узкого переулка.

Я сижу на кровати, обхватив колени руками, и разглядываю трещину в потолке. Она вьётся, словно карта какого-то неведомого края. Наверное, так выглядит страна, в которой никто не хочет жить.

Вчерашнее никак не выходит из головы: отражение, та странная улыбка, рука, которая поднялась без моего участия. Я перебираю в уме возможные объяснения. Может, всё дело в усталости? Я ведь не спала трое суток перед докладом. Или это галлюцинация от кофеина? Три чашки ледяного американо за день — для моего веса это почти яд. А может, у меня проблемы с психикой? Отец всегда говорил, что мать была «нервной». Интересно, он имел в виду что-то вроде этого?

Встряхиваю головой, отгоняя тревожные мысли, встаю и иду в душ. Вода сегодня тёплая — бойлер я не выключала. Пускаю почти горячую, чтобы прогнать холод, засевший где-то внутри. Пар быстро заполняет крошечную ванную, запотевают зеркало — и на секунду я перестаю видеть своё отра-

жение. Так даже лучше.

Одеваюсь почти на автомате: чёрные джинсы, серая толстовка, волосы собираю в хвост. Когда зеркало снова становится прозрачным, я бросаю взгляд на своё отражение: белая копна волос, тёмные круги под глазами — всё как обычно.

Вдруг раздаётся звонок от Джиён.

— Сора! Ты где? Первая пара через двадцать минут, а профессор Пак сказал, что будет опрос!

— Я помню, — отвечаю я спокойно.

— Тогда беги! — торопит она и тут же сбрасывает.

Я медленно завязываю шнурки. Бежать совсем не хочется. Так и вижу, как было бы здорово сейчас вернуться в кровать и притвориться, что никакого мира вокруг не существует. Но реальность напоминает о себе: аренду платить надо, записи Джиён нужны, да и этот дурацкий доклад по теории коммуникаций так и лежит недоделанный.

Выхожу из дома и окунаюсь в утренний Сеул. В этот час город похож на муравейник, который кто-то перевернул палкой: люди спешат, торопятся, пьют кофе на ходу, жуют кимбапы, ругаются в трубку, толкаются локтями. Я же иду медленно, позволяя себя обгонять, и ничуть не обижаюсь.

На углу останавливаюсь у старого кофейного автомата — того самого, в переулке. Он красный, облезлый, с кнопками, которые вечно западают. Тычу пальцем в кнопку чёрного, самого дешёвого кофе. Автомат молчит.

— Давай же, — прошу я. — Я опаздываю.

Но в ответ не получаю ничего кроме тишины.

Тогда я стучу кулаком по металлическому корпусу. Звук получается гулким, он разносится по переулку, и старушка, вытряхивающая коврик на балконе третьего этажа, недовольно смотрит на меня сверху вниз.

— Простите, — машу я ей рукой.

И тут автомат неожиданно чихает — буквально издаёт звук «птьху» — и в лоток падает стаканчик. Поднимаю его и замираю: на стаканчике чётко написано: «ТЫ ЗАБЫЛА ДОМА КЛЮЧИ».

Оглядываю свои руки. Ключи на месте, болтаются на брелке в виде лисы. Проверяю карманы — всё на месте.

— Глюки, — бормочу я себе под нос.

На ходу делаю глоток: кофе горячий, горький. В точности как моя жизнь в последнее время.

Колледж встречает меня смесью запахов дешёвого освежителя и вечной суеты. Профессор Пак уже стоит у доски. Я тихонько проскальзываю на своё место и Джиён, сидящая через проход, бросает на меня обеспокоенный взгляд.

— Ты пришла, — шепчет она.

— Не было варианта не прийти, — отвечаю я.

— Ты выглядишь как смерть, — хмурится подруга.

— Спасибо. Ты тоже, — пытаюсь пошутить я.

Она легонько пихает меня локтем, и я почти улыбаюсь.

Лекция течёт своим чередом. Профессор Пак увлечённо рассказывает о символизме воды в средневековой корейской

поэзии: как вода — это зеркало, переход между жизнью и смертью, между мирами, сном и явью. Я слушаю, но каждое его слово будто бьёт в то место, что до сих пор болит.

— Вода не лжёт, — произносит профессор Пак, и я так сильно сжимаю ручку, что она трещит. — Вода показывает то, что есть. Именно поэтому в старых историях герои всегда смотрят в воду, когда хотят увидеть правду.

Закрываю глаза. Перед внутренним взором снова всплывают образы: вода, отражение, та странная улыбка

— Ха Сора, — голос профессора резко вырывает меня из оцепенения. — Вы спите?

— Нет, профессор, — поспешно отвечаю я.

— Тогда скажите, что символизирует вода в стихотворении Ким Со-воля, которое мы разбирали на прошлой неделе? Там, где герой стоит на берегу и не может перейти реку.

Я открываю рот, смутно вспоминая о чём именно было произведение.

— Границу, — вспоминаю с трудом. — Воду как границу между мирами. Между живыми и теми, кого мы потеряли. Между тем, что мы видим, и тем, что на самом деле.

Профессор Пак долго смотрит на меня поверх очков, потом кивает:

— Хотя бы слушаете, — бурчит он и снова поворачивается к доске.

Джиён тем временем пишет мне под партой в телефоне: «ТЫ КАКАЯТО СТРАННАЯ». Я не отвечаю.

После первой пары выхожу во двор и сажусь на скамейку под сакурой. Лепестки падают на плечи, запутываются в волосах, оседают на стаканчик с уже остывшим кофе. Ктото когда-то говорил, что сакура — это символ красоты и смерти: цветёт всего неделю, а осыпается за один день. Раньше мне казалось, что в этом есть что-то романтическое. Сейчас же это вызывает лишь грусть.

Джиён убежала на встречу с группой, а я решила остаться. Не потому что обиделась — просто мне нужно побыть одной.

Я сижу и смотрю на людей и вдруг осознаю, что не вижу их лиц. Совсем. Они расплываются перед глазами, словно акварельный рисунок, на который случайно капнули водой: черты стираются, краски смешиваются, очертания теряют чёткость. Я различаю лишь силуэты, размытые контуры, скользкие движения — как тени на стене в неверном свете фонаря. Где-то глубоко внутри зарождается странная мысль: будто я сама становлюсь водой. Растекаюсь по асфальту, теряю форму, растворяюсь в городском шуме.

— Дура, — бормочу, резко вставая. — Выспишься — и всё пройдёт.

Я не иду на вторую пару. Просто не могу. Ноги сами несут меня прочь от колледжа, прочь от лекций и однокурсников, прочь от привычного маршрута.

Вместо этого иду по улицам, которые знаю наизусть. Вот магазин канцелярии, где я покупаю дешёвые ручки с едва заметной надписью «Made in China». Рядом притулилась за-

бегаловка тётушки Чой: оттуда доносится аппетитный запах жареных одэнов на палочках. Дальше — лавка с ханбоками на прокат: я никогда туда не заходила, но вывеска с иероглифами знакома до боли, будто я разглядывала её тысячу раз.

А потом я сворачиваю в переулок, которого не помню. Это странное чувство — когда ноги знают дорогу, а голова нет. Словно меня ведёт кто-то другой. Кто-то, кто живёт глубоко в позвоночнике, шепчет на ухо и принимает решения за меня.

Переулок узкий, тесный, как трещина в теле города. Стены по бокам высокие, с чёрными разводами — потекла штукатурка, оставив следы, похожие на следы старых слёз. Плитка под ногами лежит волнами, и в каждой трещине заметны маленькие лужицы. В них отражается небо: серое, низкое, тяжёлое, готовое обрушиться на землю.

В конце переулка притаилась дверь. Деревянная, старая, с потрескавшейся краской. И с ручкой в виде лисьей морды с открытыми глазами. Но я могу поклясться, что секунду назад они были закрыты. Может, мне показалось? Но сердце всё равно пропускает удар.

Я смотрю на дверь. Пять секунд. Десять. Минуту. Время тянется, как резина.

— Ты не обязана туда заходить, — рассуждаю вслух. Громко, чтобы развеять тишину. Потому что мой внутренний голос перестал слушаться ещё вчера, и теперь я не доверяю даже собственным мыслям.

Но рука уже лежит на ручке. Пальцы чувствуют холод ме-

талла, шершавость облупившейся краски. Я толкаю дверь — и та открывается с тихим скрипом, будто давно ждала этого момента.

Внутри пахнет так, как не пахнет нигде в двадцать первом веке. Старая бумага, пыль веков, ваниль, от которой хочется зажмуриться и вдохнуть глубже. И чем-то отдалённо напоминающим ладан...

Книжный магазин. Полки от пола до потолка, уставленные книгами. В кожаных переплётках с потускневшим золотом на корешках, в бумажных обложках — пожелтевших, с порванными углами. Между ними лежат свитки, перевязанные шёлковыми лентами, старинные письменные принадлежности, чернильницы с высохшими чернилами. Несколько масляных ламп мерцают слабым светом, хотя я не вижу, откуда в них масло. Кажется, они горят сами по себе.

— Есть кто? — зову я.

Голос упирается в стены и возвращается обратно, искажённый, словно отразившись от множества невидимых граней. Я вздрагиваю от неожиданного эха, но никто не отвечает.

Делаю шаг. Пол скрипит под ногой, словно предупреждая. Ещё шаг. Ещё. И замечаю между стеллажами маленький закуток. В нём стоит стол, а на столе лежит лишь одна книга. Открытая.

Я не трогаю её, но склоняюсь ближе, чтобы прочитать. К моему удивлению, там нет букв. Только рисунок.

Пейзаж старой Кореи: горный храм с пагодой, крыша которой уходит в облака; бамбуковая роща, шелестящая на ветру; такая широкая река, что не видно другого берега. И лодка. В лодке стоит женщина в белом. Я не вижу её лица, неизвестный художник пожелал изобразить её любующейся пейзажем.

Я смотрю на рисунок, словно замороженная, и вдруг он шевелится. Вода на изображении начинает течь, плавно, неторопливо. Я моргаю — вода течёт быстрее. Лодка покачивается на волнах. Женщина медленно поворачивает голову, и я вижу своё лицо.

Не совсем моё — но моё. Белые волосы, бледная кожа, глаза, которые смотрят на меня сквозь бумагу и столетия...

— Какого — шепчу я, от шока даже не в силах отпрянуть.

Женщина не говорит, но поднимает руку и указывает куда-то за мою спину. Вздвогнув, я оборачиваюсь, чувствуя, как слабеют колени.

Нет ни монстров, о которых уже вопила испуганная фантазия, ни даже профессора Пак с очередным занудным докладом, лишь стеллаж. Обычный, деревянный, уставленный книгами. Но одна из них светится. Буквально: излучает тусклое золотистое свечение, как уголёк, который не прогорел до конца, а лишь затаил в себе жар.

Осмелев, влекомая обещание чего-то волшебного, я подхожу ближе и протягиваю руку. Пальцы касаются корешка — и в тот же миг мир выворачивается наизнанку.

Я стою на каменных ступенях.

Не в Сеуле. Не в двадцать первом веке. Ночь, луна висит так низко, что, кажется, до неё можно допрыгнуть. А ветер несёт запах бамбука и мокрой земли. На мне чужое, тяжёлое, белое платье с длинными рукавами. Вскинув руку, провожу сначала по лицу, а после касаюсь волос. Они распущены и длиннее, чем в жизни, — почти до пояса.

Оглядываюсь и не верю своим глазам. Прямо передо мной возвышается храм. Старый, с покосившимися воротами и черепичной крышей, на которой растёт мох.

— Ты пришла, — раздаётся низкий, хрипловатый голос. Он приятен, но его обладатель несомненно долго хранил молчание.

Я медленно оборачиваюсь. В тени бамбука стоит высокий мужчина с чёрными волосами до плеч. Это выглядит странно, никто из моих знакомых не носит подобных стрижек. Разве что косплейщики... Продолжая рассматривать незнакомца, я невольно люблюсь бледным лицом с острыми скулами. Но тут замечаю глаза и вертикальные зрачки. Как у змеи. Или у дракона.

Он не человек.

— Кто ты? — спрашиваю я и слышу чей-то чужой голос. Тоньше, с акцентом, которого у меня нет.

«Что со мной? Это не моё тело?»

— Император ночи, — мужчина произносит это без усмешки или гордости. Просто как констатацию факта. —

Повелитель тех, кого вы называете демонами.

Я открыла и тут же закрыла рот. Всё происходящее казалось слишком нереальным. Но в то же время абсолютно не походило на сон.

— Я не звала тебя, — выдавливаю, борясь с желанием то ли броситься прочь, то ли приблизиться к назвавшему себя демоном.

— Твоя кровь звала, — он делает шаг вперёд, и я чувствую холод. Не от ветра, а от него. Демон излучает его, куску льда. — Сотню лет твои предки служили мне. А потом вдруг исчезли. Я думал, вы вымерли. Но, видимо, ошибался.

— Я н-не служу никому, — хотела сказать уверенно, однако слышу как запинаюсь.

Демон тоже подмечает это и усмехается. Первый раз уголок губ дёргается вверх, и это делает его почти невыносимо красивым.

— Тебе не обязательно служить. Ты уже моя.

— Что?.. — К горлу подступает тошнота.

— Камень, — демон кивает на мою шею. Я опускаю взгляд. На груди висит чёрный камень. Гладкий, как стекло, но внутри что-то пульсирует. Я не надевала его, но теперь он здесь. — Твоя прабабка носила его. И её мать тоже. Камень переходит к той, кто должна меня найти.

— Найти? Ты стоишь передо мной. — К навязчивой тошноте добавилось головокружение. Пока лёгкое, но явственно указывающее на то, что я готова поддаться панике.

— Я стою, — соглашается демон. — Но ты не видишь настоящего меня. Потому что я не здесь. Я в этом камне. Я всегда был в нём. А ты — первая за сто лет, кто смог меня почувствовать.

Он подходит ближе. Я не отступаю, хоть желаю скрыться больше всего на свете. Но ноги предательски приросли к ступеням.

— Как тебя зовут? — спрашивает демон, рассматривая моё лицо с неменьшим интересом, чем до этого пялилась я.

— Сора, — выдыхаю, боясь рассердить молчанием.

— Сора, — повторяет он, и в его тоне появляется что-то новое. Не холод и не насмешка. Что-то ласковое? — Хорошее имя. Означает «раковина», да? Та, кто хранит внутри тишину.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю всё, что связано с твоей кровью, — он смотрит прямо в глаза, и я не могу отвести взгляд. — Я ждал тебя дольше, чем ты живёшь.

Демон протягивает руку. А я словно загипнотизированная смотрю на длинные пальцы, с идеальными ногтями.

«Не когти, уже хорошо», — проносится в голове.

— Не бойся, — неожиданно мягко просит он. — Я не причиню тебе вреда.

— Почему я должна тебе верить? — От перемен в поведении демона тошнота отступает. Я больше не чувствую себя загнанным зверьком, но понимаю, что расслабляться рано.

— Потому что если бы я хотел, ты была бы уже мертва,
— демон убирает руку и складывает её на груди, так и не прикоснувшись ко мне. — Иди, Сора. Камень укажет дорогу.

— Куда?

— Домой, — улыбается он. — Ко мне.

Пейзаж схлопывается. Будто всё вокруг было мыльным пузырьком. Я падаю на колени. Пол книжного магазина встречает меня холодом и скрипом старых досок — словно сам дом вздыхает под тяжестью моих мыслей. Сжимаю голову руками, пытаюсь отдышаться. В ушах стоит шум, как после взрыва или сильного удара — гулкий, пульсирующий, заполняющий всё пространство.

Перед глазами всё плывёт: стеллажи качаются, как деревья на ветру, лампы мерцают, то вспыхивая, то угасая. Мир вокруг теряет чёткость, будто кто-то размазывает его кистью.

— Очнулась, — слышу я старый, спокойный голос.

Медленно поднимаю голову. В углу на стуле сидит мужчина. Ему под семьдесят: седая щетина, потрёпанный свитер с обтрёпанными манжетами, а в руке держит фарфоровую кружку, от которой идёт пар. Он смотрит на меня без удивления, словно каждый день в этом магазине кто-то чуть ли не падает в обморок.

— Кто вы? — выдавливаю я, голос звучит хрипло, будто я долго кричала.

— Хозяин, — мужчина кивает на полки. — Этого sklepa.

— Это магазин? — неуверенно поправляю я, надеясь, что

не получила в комплекте с «глюками о демоне» знакомство с сумасшедшим или маньяком.

— Это место, куда приходят те, кого позвали.

Не замечая моего недоумения, хозяин магазина не спеша отпивает чай. Он смотрит на меня поверх кружки, но без особого интереса.

— Ты его видела, — наблюдая, за моими попытками обрести равновесие и не морщиться от головной боли, наконец произносит он.

— Кого? — От неожиданности нога подворачивается. Шипя от боли в лодыжке, я верчу головой по сторонам. Но магазин остаётся пуст. Никого, кроме меня и странного хозяина.

«Не может же он говорить о моём глюке?»

— Не притворяйся, — сухая улыбка едва затрагивает его губы. — Ты не умеешь врать. Я вижу камень у тебя на шее.

Вздвогнув, я опускаю взгляд. Чёрный камень висит на тонком кожаном шнурке. Тёплый и словно живой. Он вибрирует или пульсирует или это биение моего сердца отдаётся в нём? Тот самый, что появился из-за демона.

— Откуда он? — «Видение реально? Тот демон»

— Камень всегда был у твоей семьи, — хозяин магазина ставит кружку на полку. — Твоя прабабка отдала его на хранение сюда. Сказала: «Придёт внучка, отдадите ей». Вот он и пришёл. Вернее, ты пришла. К демону.

— Я не понимаю, — говорю я. — Какой камень? Какой

демон? Я обычный человек. Учусь на издательском. У меня нет парня, нет денег, и меня самой словно не существует для окружающих. Какое отношение всё это имеет к к нему?

Хозяин молчит. Секунду. Две... Потом встаёт, неторопливо подходит к стеллажу, достаёт книгу — ту самую, которая светилась. И кладёт мне на колени.

— Открой, — просит всё с той же полуулыбкой.

Я не спорю. На первой странице вижу портрет: чёрные волосы, вертикальные зрачки, тонкие губы. Под рисунком выведена надпись на старом корейском. Я не понимаю половину, но последнюю строчку читаю без труда:

«Тот, кто не умирает. Тот, кто ждёт. Тот, кто однажды назовёт тебя своей».

Закрываю книгу. И пальцы дрожат. Из глюка всё превращается в сюр. Всё просто не может быть правдой. Но я не просыпаюсь, а вокруг не толпятся люди в белых халатах

— Я не хочу этого, — бормочу тихо, почти шёпотом.

— А никто не спрашивает, — вздыхает хозяин. — Камень выбрал тебя. Или ты его. Какая разница? Теперь вы связаны.

— Что мне делать?

— Жить, — он пожимает плечами. — Ходить на пары. Пить кофе. Дышать. Демон сам тебя найдёт, когда придёт время.

— А если я не хочу, чтобы он меня находил?

Хозяин смотрит на меня долгим взглядом. В его глазах — что-то вроде сочувствия, но без жалости. Потом улыбается.

Грустно так, будто знает то, чего мне знать пока не положено.

— Тогда не смотри в воду и не смотри в зеркала. Не стой над лужами. Не пей из чашек с отражением. Спрячь камень под одежду. Может, поможет.

— Может?

— А ты веришь в чудеса?

Я не отвечаю. Вопрос слишком странный. Встаю, чувствуя, как пол всё ещё слегка качается под ногами. Выхожу из магазина, не оглядываясь и не прощаясь. Голова всё ещё ощущается чужой, а дверь за спиной закрывается с тихим щелчком — как удар по сердцу.

Но уходить не спешу. Вместо этого почему-то оборачиваюсь.

Серая стена. Ни двери. Ни таблички. Только граффити, которое кто-то нарисовал в прошлом году — кривое сердце и подпись «Кван + Черин = любовь». Но ведь книжный магазин был здесь? В этом переулке. Только что

Камень на шее кажется слишком тяжёлым. Морщась, я прячу его под толстовку и застёгиваю молнию до самого верха. Стараясь не смотреть по сторонам, иду в сторону колледжа. Пожалуй, на сегодня хватит острых ощущений, пора вернуться в повседневность.

Глоссарий:

Кимпаб (или кимбап) — это популярное блюдо корейской кухни, представляющее собой роллы из пресованных водорослей (ким) и отварного риса, плотно свернутые с различными начинками.

Ким Со-воль (настоящее имя — Ким Джон-сик) — один из самых известных и почитаемых корейских поэтов двадцатого века, основоположник современной корейской лирики.

Одэн — это популярный корейский уличный фастфуд, который представляет собой рыбные котлетки (часто называемые «омук») из измельченной белой рыбы, морепродуктов, крахмала и специй. Его могут подавать в виде плоских полосок на шпажках, колбасок или шариков в горячем, насыщенном бульоне.

Ханбок — это традиционный национальный костюм корейцев. Буквально переводится как «корейская одежда». Отличается яркими цветами, плавными линиями и отсутствием карманов. Включает блузу (чогори), широкие штаны (паджи) у мужчин и пышную юбку (чима) у женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.